

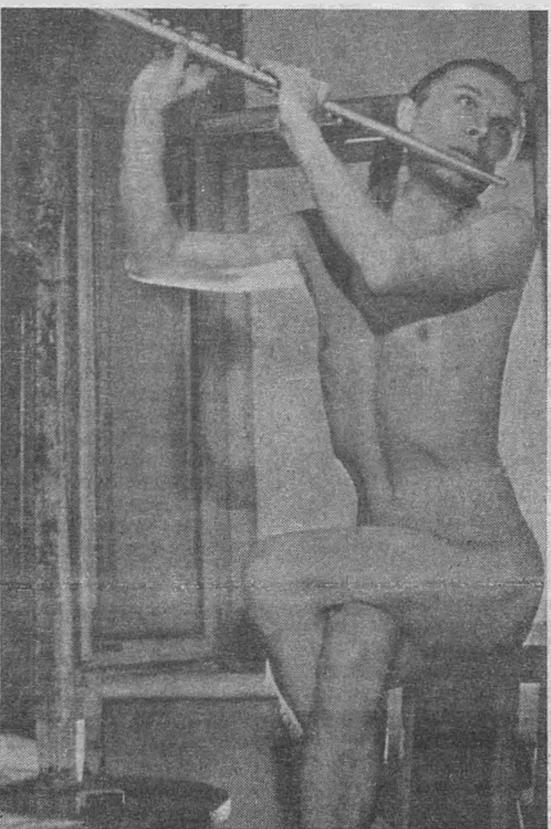
Александр БАШИРОВ:

«МЕНЯ НЕЛЬЗЯ

ТРОГАТЬ»

Летчик-налетчик имени Гагарина в «Ассе», Толик из мавзолея имени Ленина в «Черной розе...», притворщик Компостеров-гад в «Доме под звездным небом» — Александр Баширов. Начиная с картины «Чужая Белая и Рабой», этот актер «гуляет» у Сергея Соловьева по всем фильмам.

все в башке. Ну вот, работаю на киностудии, смотрю, люди фильмы снимают. Почему я не могу? Работа хорошая. Ходишь начальником. Четыре раза во ВГИК поступал. Первый раз, по-моему, я к Таланкину попал. Потом в конце концов и поступил к нему. Но каждый раз как-то все получалось не очень правильно. То бумаги не в порядке. То с русским пролетал на сочинении.

— Ты же писателем хотел быть!

— Да вообще это скучно. Не могу я нормально писать. Вывести образ какого-то персонажа. Дело не в том, чтобы сочинить. А в том, чтоб написать тот набор фраз, который принят в системе. На собеседованиях проблем не было. Тут, если ты необычайно интересный человек, как-нибудь вывернешься, наплетешь чего-нибудь. Но иногда чепуха получалась. В последний раз я сделал очень хитро. Срежиссировал собственное поступление. Пришел в институт на первый экзамен, вижу список. Я в нем где-то двадцатый. Знаю, это будет ближе к вечеру, часов в пять. И куда, ты думаешь, я пошел? В баню париться. Хорошо так отдохнул. Можешь себе представить, я был такой розовенький, свеженький на фоне этих зеленых лиц нервных. Самое главное — иметь чувство юмора. Потому что все такие серьезные, великие. Начинают рассказывать страшные замыслы гениальные. Ничего не надо. Так и поступил. А потом мы с Таланкиным начали конфликтовать. Не в таком смысле сильным. Думаю, я многое сам придумывал. Мне казалось, что он на меня давит. Хотя действительно у него такая тоталитарная система обучения. А я насильно вообще терпеть не могу. Меня нельзя трогать. Он пару раз не давал мне сделать то, что я хочу. И, в общем, я вышел со второго курса с большим скандалом. Это был первый случай, когда студенты отказались от мастера. Потому что я не один вышел — нас было четверо. Потом, правда, один вернулся.

— Про этот случай рассказывал Соловьев, что ВГИК две недели не работал?

— Да. Там вообще революция началась.

— Ты устроил?

— Не я. Время было такое. Как раз шел съезд кинематографистов. Думаю, это все устроили критики и киноведы. Никто не учился. Все кричали, кри-

тиковали всех. В общем, ушел от Таланкина. Анатолий Васильев согласился меня принять. Это был настоящий фейерверк — иметь такого мастера. Правда, я диплом еще не снял. Экзамены все сдал. Закончился срок обучения. Кинорежиссеру в течение трех лет можно защищать диплом. Год еще остался. Но это не так уж важно. Сейчас кино можно и без диплома снимать.

— Что для тебя Соловьев?

— В принципе для меня он — важный человек. Которому я доверяю. Не в смысле чего-то там ему рассказываю. А как человеку, как художнику. И он мне верит. Мне с ним ясно.

— Тебе кажется, он твой режиссер?

— Да нет. Может быть, из-за собственных режиссерских амбиций. Я имею как бы собственное кино. Для меня лучше то, что я хочу. Но пока это никому не известно. Я все время в своих ролях придумываю какие-то режиссерские вещи. Иногда Соловьев слушает, иногда нет.

— Это его право.

— Да. Но мне как бы неинтересно.

— У меня такое впечатление, что тебе вообще неинтересно. А режиссура, сдается мне, требует большой концентрации.

— Любая работа требует концентрации. Я же снимал учебные и курсовые. Это такая работа, которая в кайф. Поневолу всего затягивает. Мне она нравится, понимаешь. Собирать своих людей — это даже не работа, а продолжение собственной жизни. Не просто там пиво пить. А есть еще предмет, который всех интересует.

— На что будут похожи твои фильмы? Понимаю, что вопрос глупый, но очень уж интересно.

— Я знаю. Знаю, что глупый вопрос. Не в том смысле глупый. Нормальный вопрос. Как бы ответ не может быть очень умный что ли. Авангардное или для населения — да? Для населения, но странное, но без снобизма. Я-то не сноб. Хотя есть какие-то пажонские замашки. Есть разные идеи. Вот сейчас я попросил Митьков (почему-то) написать мне сценарий. Я сам не потяну такой длины. И потом, интереснее найти тайны в тексте. А когда сам напишешь — какие ж тут тайны. Там много придумано. В пустом городе, что-то вроде Питера (он действительно пустой белыми ночами), четыре парня ездят на черной «Чайке», большой такой, без верха. Пьют шампанское, которое где-то воруют. У каждого в кармане пистолет. Там еще любовная история начинается... Ну это как бы такая мальчишеская мечта что ли. Что хочет каждый мальчишка? Хороших друзей, пистолет, какую-нибудь любовную историю и делать что хочешь. Странно? Для меня кино — это как бы выдуманная вещь. Оно не может быть реальным. Тогда это другое кино — документальное.

— Давай вернемся к личной жизни. Расскажи, как ты познакомился со своей американской женой.

Баширов запел: «У меня есть мо-я американская же-на». И спросил:

— Это твой личный интерес?

— Ну почему, читателям тоже интересно будет узнать.

— Я уже с ней практически разошелся. Она тоже училась во ВГИКе. Жила в общежитии. Постоянные совместные вечеринки. Трудно как бы пропустить меня. Но она не может здесь жить. Не привык человек. В магазин пойдет, ее обругают, идет — плачет. Не по-советски поступает. В общем она как бы не выдержала здешней жизни. Уехали туда. Думаю, может быть, я смогу там жить. Не смог. Скучно. Чужая страна, чужая еда. Проблема с работой. Где я там буду работать? Это Кончаловский может. А я как бы... И потом, у меня здесь уже какая-то репутация есть. Я знаю людей кино. Вообще знаю людей. Любый хулиган — я знаю, как с ним разговаривать. А там идет человек, и непонятно, как он на тебя среагирует. Очень странная для меня страна. Интересно, конечно. Но если там жить — нужно начинать с нуля. Решительно взять и начать с нуля. Конечно, здесь тоже тяжело. Но нельзя стать другим — насилье над самим собой.

— Что ты чувствовал, когда у тебя родился сын-американец?

— Я присутствовал при родах. Первое, что он сделал, — улыбнулся. У него было сморщенное лицо. И я увидел себя старого. Потому что он безумно на меня похож. Один к одному. Кристофером зовут. Скоро четыре года будет. В садике воспитательница жалуется, что он драчун такой. Всех побеждает и говорит: «Я — Рашн Мен».

— А по-русски Рашн Мен говорит?

— Когда мы с женой говорим по-русски — понимает. Но не любит, когда на русском говорят. Ему очень странно — у папы свой язык. Он считает, что это мой личный язык.

— В России ты где обитаешь?

— В Питере, на Фонтанке.

— И, наверное, дом выложить плиткой — нет проблем?

— Дома нет. Живу в коммуналке. Был бы дом, кого-нибудь нанял выложить.

Ирина МОРСУНОВА.